

Максим Орлов

Эхо пустоты

Максим Орлов

Эхо пустоты

<https://litres.ru/74392049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя пять лет после уничтожения «Колыбели» Резонанс затаился, превратившись в фоновый гул. Кира Рен, дочь погибшего лейтенанта, слышит его отчётливее прежнего. Получив сигнал от отца, она находит единственного, кто пережил Резонанс дважды, — Алексея Воронова. Вместе они раскрывают заговор: кто-то использует остаточное поле как оружие, превращая людей в марионеток «Гармонии». Доктор Вернер захватил колонию, его адаптеры проникают через воду и воздух, лишая свободы воли. Остановить его может только Кира — ценой связи с отцом и своей уникальной природы.

«Эхо пустоты» — вторая книга цикла «Фронтир бесконечности». История о цене выбора: что опаснее — чужая гармония или собственное одиночество?

Содержание

ДОСЬЕ НА ПЕРСОНАЖЕЙ	4
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Орлов

Эхо пустоты

ДОСЬЕ НА ПЕРСОНАЖЕЙ

Кира Рен (17 лет)

Высокая, худощавая, с тёмными растрёпанными волосами, стянутыми в небрежный хвост. Глаза серые, со стальным отливом, унаследованные от отца. На левой скуле тонкий шрам от осколка, полученный во время аварии на тренировочном симуляторе. Одевается практично: потёртая куртка пилота, штаны с множеством карманов, старые ботинки. Всегда носит с собой голо-проектор отца, спрятанный во внутреннем кармане.

Упрямая до саморазрушения, резкая, не терпит снисходительного тона. Научилась скрывать уязвимость за колкостями и сарказмом. Внутри живёт глубокая тоска по отцу, которую она пытается заполнить поисками правды. Боится одного: что отец ушёл в Резонанс добровольно, выбрал чужую гармонию вместо неё. Этот страх делает её жестокой к себе и к другим.

Обладает уникальной нейрофизиологической восприимчивостью к резонансным полям. После событий первой книги большинство людей перестали ощущать фоновый Гул,

Кира слышит его отчётливее прежнего. Постоянный низкий гул доводит её до головных болей и бессонницы. Научилась использовать эту чувствительность: обнаруживает аномальные очаги резонанса, видит следы Искажения там, где обычные сканеры бессильны.

Доктор Элиас Вернер (64 года)

Сухой, жилистый старик с бледной, почти прозрачной кожей и глубоко посаженными глазами неестественного светло-голубого оттенка — результат многолетней работы с аномальными материалами. Острые скулы, тонкие губы, всегда собранные в нить. Одевается строго, в чёрное, предпочитает старомодные костюмы без опознавательных знаков. Пальцы постоянно слегка подрагивают — не от старости, от напряжения, которое он не снимает никогда.

Внешне спокоен, говорит тихо, с математической точностью, не повышая голоса. Искренне убеждён, что спасает человечество. Смотрит на людей как на недостроенные конструкции: слишком много шума, ошибок, противоречий. Считает свободу воли эволюционным тупиком, приводящим к войнам, страданиям и самоуничтожению. Мечтает о едином сознании, где каждый человек станет ячейкой гармоничного целого, подобно нейронам в мозге.

Был одним из ведущих учёных на «Эвридике» сорок лет назад. Лично участвовал в первом контакте с аномалией и понял, что её технология — средство трансформации сознания. Когда Содружество решило уничтожить объекты, Вер-

нер ушёл в подполье. Создал собственную сеть лабораторий, где десятилетиями изучал остаточный резонанс, пытаясь выделить аспект, позволяющий переписывать нейронные связи без физического контакта.

Внедряет «адаптеры» через систему водоснабжения колоний — микроскопические нанороботы, оседающие в лёгких и постепенно перестраивающие нейрохимию. Люди не чувствуют процесса, просто начинают испытывать необъяснимое спокойствие, затем прилив ясности и единения с другими. Когда преобразование завершено, у них исчезает индивидуальный голос: они начинают говорить и двигаться синхронно, как части единого организма. Вернер называет это «Гармонией».

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

После событий у «Колыбели» научное сообщество отказалось от термина "Пение". Слишком поэтично для угрозы, способной переписать нейронные связи. Теперь говорили "Резонанс". "Певучих" заменили на "Источник". "Тишину" — на "мёртвый эфир".

Но суть не изменилась. Это всё ещё был голос, зовущий домой. И всё ещё находились те, кто готов был ответить на этот зов.

ПРОЛОГ

Колония «Новая Скандинавия», Нижний Ярус

Дата: 14.09.2852

Время: 03:14

Колонизация «Новой Скандинавии» завершилась всего шесть лет назад, поселение уже успело обрасти первой, ещё робкой зеленью. Фермерские купола вытягивали из искусственного грунта низкорослые хвойные деревца, воздух, очищенный терраформерами, пах сыростью и смолой. Кира Рен помнила этот запах с детства, сейчас он казался ей приторным, почти душащим.

Она сидела на крыльце своего дома, вжавшись спиной в тёплый пластик стены, смотрела, как тусклый свет двойной звезды — оранжевой и голубой — пробивается сквозь облачную пелену, окрашивая небо в болезненный, ржаво-синий оттенок.

Прошло пять лет с того дня, когда флот вернулся на «Аванпост-7». Пять лет, как она получила официальное письмо с сухими словами о героизме отца. Она не плакала тогда — слёз не было, только глухая, вязкая тяжесть в груди, которая не проходила до сих пор. Мать пыталась говорить о будущем, о том, что нужно жить дальше, Кира не слушала.

Она научилась выключать голос матери так же, как выключала голос Гула — усилием воли, заставляя себя сосредоточиться на чём-то другом.

Гул не исчез. Он стал тише, почти незаметным — фоновое гудение, которое большинство людей перестали замечать через год. Врачи на колонии называли это «остаточным синдромом резонанса» и рекомендовали терапию. Кира не пошла на терапию. Она знала, что никто из врачей не слышит того, что слышит она. Они слышали шум, она слышала голоса.

Не те голоса, что звали её присоединиться к хору — те исчезли вместе со сферой, уничтоженной Вороновым. Новые голоса были другими. Они не звали, они говорили — обрывки фраз, фрагменты чужих мыслей, словно кто-то вёл бесконечный разговор в соседней комнате, стены пропускали только обрывки. Кира научилась отключать это восприятие, когда нужно, ночью, когда мир затихал, она не могла закрыть уши.

Сегодняшняя ночь была хуже обычного. Сначала она услышала низкий, ровный гул, похожий на работу старого генератора — это было привычно. Потом гул начал меняться. Он пульсировал, складываясь в неравномерные толчки, словно кто-то стучал по металлической трубе. Кира приподнялась на локте, прислушиваясь. В комнате было тихо — мать спала на втором этаже, за стеной слышалось ровное дыхание. Внутри, в глубине черепа, звук нарастал, превращаясь

в ритмичное биение, которое не имело никакого отношения к её сердцу.

Она встала, накинула старую куртку и вышла на крыльцо. Ночной воздух был холодным, с запахом мокрой земли и машинного масла — фермерские комбайны не умолкали даже ночью. Кира закрыла глаза и сосредоточилась. Ритм становился чётче. Это не была случайная помеха. Это был повторяющийся паттерн — три коротких импульса, два длинных, три коротких. Азбука Морзе? Нет, слишком сложно. Определённо код.

Она вернулась в дом, нащарила под кроватью старый голо-проектор — тот самый, что остался от отца. Мать хотела его выбросить, Кира спрятала. Она включила устройство, поднесла его к уху, пытаясь уловить, откуда идёт сигнал. Проектор молчал, через пару секунд его корпус задрожал, на маленьком экране появились искажённые линии. Запись. Кто-то отправил сигнал на этот конкретный приёмник, как будто знал, что он есть у неё.

Она нажала воспроизведение. Из динамика донёсся странный, сдавленный звук — что-то среднее между треском статики и модулированным шипением. Кира поняла это мгновенно. Она не слышала его с детства, узнала бы из тысячи других. Это был голос отца — не тот, которым он говорил при жизни, тот, который остался в ней самой, в её самой ранней памяти. Он звучал глухо, как будто доносился из-под воды, слова были чёткими:

«Они не ушли. Они переписали себя. Найди Воронова. Он знает, как остановить настоящее.»

Экран погас. Сигнал оборвался. Кира сидела в темноте, сжимая проектор так, что побелели костяшки. Её сердце колотилось где-то в горле, она не чувствовала страха — только ледяную, почти осязаемую решимость. Она знала, что это не бред и не галлюцинация. Это было послание. Она найдёт того, кто сможет его расшифровать.

Воронов. Тот самый пилот, который уничтожил сферу и отправил её отца в двигатель Казимира. Он был последним, кто говорил с Реном перед тем, как тот исчез. Кира не знала, что скажет ему, когда встретит — требовала ли она ответов, обвиняла его в смерти отца или просила помощи. Она знала только одно: она должна его найти. Если он откажется, она пойдёт одна — в самое сердце пустоты, где всё началось и где, возможно, всё ещё ждёт своего завершения.

Демпфер на левом запястье Киры треснул с сухим щелчком, похожим на перелом кости.

Девушка замерла в тесном вентиляционном тоннеле, зажав дыхание. Воздух здесь пах ржавчиной, машинным маслом и потом. Хуже всего было то, что начало просачиваться сквозь трещину в браслете.

Гул.

Он не звучал в ушах. Он ударил в зубы, заставив ныть корни. Кровь во рту приобрела вкус медной проволоки. В периферийном зрении поплыли геометрические искажения —

стены тоннеля на долю секунды показались ей идеальными, выверенными до микрона, и это было невыносимо.

Сбой контура. Проникновение Резонанса.

Кира стиснула зубы, заставляя свой мозг отторгнуть чужеродную геометрию. Она была «Прирождённой». Ей не нужен был чип в затылке, чтобы слышать Гул, именно это делало её уязвимой. Она чувствовала его кожей.

Внизу, в жилом секторе, раздался крик. Не от боли. От восторга.

Кира поползла вперёд, игнорируя тошноту, и заглянула в вентиляционную решётку. В тусклом свете аварийных ламп она увидела их. Трое рабочих в грязных комбинезонах стояли посреди коридора. Их движения были дёргаными, неестественно синхронными. Они одновременно подняли руки, одновременно повернули головы. Из их носов и ушей текла тёмная кровь, лица были абсолютно спокойны.

Диссонанты. Те, кто добровольно отключал демпферы, чтобы впустить Гул.

— Объект не найден, — произнесли они в унисон. Голоса слились в один плоский, лишённый интонаций поток. — Сместить поиск на сектор 4.

Кира медленно отползла назад. В её рюкзаке, прижатый к груди, лежал старый голо-проектор. Отец зашифровал в нём что-то важное перед смертью. Она не знала что, корпоративная охрана «Терра-Экс» и эти безумцы искали именно его.

Вдруг решётка под её локтем предательски скрипнула.

Три головы внизу дёрнулись с одинаковой скоростью. Шесть пустых, залитых кровью глаз уставились в потолок.

— Обнаружен, — сказали Диссонанты.

Они не побежали. Они *рванули* к стене, вгрызаясь пальцами в металлические панели, взбираясь по вертикальной поверхности с паукообразной, пугающей скоростью.

Кира не стала ждать. Она выхватила из пояса самодельный электрошокер, сорвала крышку с проектора и нажала кнопку активации. В тесном тоннеле вспыхнула трёхмерная карта частот. Кира не стала читать её. Она просто схватила проектор обеими руками, закрыла глаза и *потянула* Гул на себя.

Она пропустила чужеродную частоту через свой мозг, исказила её, добавив хаоса, и выплеснула обратно в тоннель.

Это был не крик. Это был удар по нервной системе.

Диссонанты, находившиеся в идеальном Синхроне, не выдержали обратной связи. Их тела выгнулись дугой. Мышцы сократились с такой силой, что у двоих хрустнули позвонки. Они рухнули вниз, бьются в конвульсиях на металлическом полу.

Кира захлебнулась воздухом, из её носа потекла кровь, капая на ржавую решётку. Голова раскалывалась так, будто внутри вбили гвоздь. Она была жива.

Она поползла к аварийному люку. Ей нужно было найти единственного человека на всём Фронтире, который знал, как убить то, что нельзя убить плазмой.

Кира выбежала из дома через черный ход. Мать ждала её у старого шаттла, сжимая в руках дорожную сумку. — Я знала, что этот день наступит, — сказала она, и в её голосе не было удивления, только усталая решимость. — Твой отец оставил инструкции. На случай, если они придут за тобой. Она сунула Кире ключи от шаттла и голо-проектор. — Лети к Воронову. Он на свалке BD-44. Не ищи меня — я задержу их. — Мама... — Иди! — Мать толкнула её к люку. — Твой отец выбрал свой путь. Теперь выбирай свой. Кира захлопнула люк. Шаттл взревел, унося её в ночь. В зеркало заднего вида она видела, как мать стоит у дома, маленькая и одинокая, пока фигуры Диссонантов не окружили её.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Свалка ВD-44, Ангар 4

Алексей Воронов ненавидел понедельники. Особенно те, которые начинались с того, что в его ангар влетает угнанный грузовой шаттл, снося половину стеллажей с запчастями.

Воронов выкатился из-под днища старого челнока, сжимая в руке тяжёлый плазменный резак. Ему было пятьдесят два, спина ныла от сырости, вживлённый в затылок нейрошунт был наглухо выжжен кислотой ещё пять лет назад. Руки не дрожали.

Шаттл врезался в бетонный пол, вспахивая его носовым обтекателем. Двигатели завывли, выплёвывая клубы чёрного дыма. Люк с шипением открылся, оттуда вывалилась девушка. Она была вся в крови, в порванном комбинезоне стажёра «Терра-Экс».

За ней из шаттла выскочили четверо. Они двигались странно — рывками, словно марионетки, чьи нити дёргает пьяный кукловод. Изо рта у них текла слюна, смешанная с кровью.

Диссонанты.

— Отдать, — прохрипел первый, делая шаг вперёд. Его рука неестественно вывернулась, из рукава выпал самодельный кинжал. — Отдать ключ.

Воронов сплюнул на пол. Он не любил Диссонантов. Они

пахли озоном и палёной изоляцией.

— Эй, уроды, — голос Воронова был хриплым от дешевого табака. — Вы на чужой свалке. А здесь за вход платят.

Диссонанты бросились на него. Не бежали — именно бросились, с полным игнорированием инстинкта самосохранения.

Воронов не стал отступать. Он нажал на курок резака. Сине-белое пламя вырвалось из сопла. Он провёл им по дуге, рассекая воздух. Первый Диссонант получил ожог в грудь, даже не замедлился, пытаясь вонзить кинжал в шею пилота. Воронов ушёл в сторону, подставил левое предплечье, закованное в тяжёлую бронеперчатку, и ударил рукояткой резака в висок атакующего. Тот рухнул.

Второй прыгнул на спину. Воронов почувствовал, как холодные пальцы впились в его горло. Он резко откинул голову назад, разбивая нос нападающему, извернувшись, швырнул его на бетон. Третий и четвёртый уже были рядом. Воронов выхватил из кобуры на бедре старый, тяжёлый кинетический дробовик.

БАМ. БАМ.

Два выстрела в упор. Свинцовая картечь разнесла колени Диссонантов. Они упали, продолжали ползти к нему, волоча за собой окровавленные ноги, их рты беззвучно открывались и закрывались.

Воронов подошёл к ним и приставил ствол к голове первого. — Отбой, — сказал он. И нажал на спуск.

В ангаре повис мёртвый эфир. Только шипел остывающий двигатель шаттла да капала кровь с потолка.

Воронов перевёл дух, вытирая брызги со щеки, и повернулся к девушке. Она сидела на полу, прижав к груди потёртый металлический цилиндр. Она тяжело дышла, вытирая кровь из носа рукавом.

Воронов шагнул к ней, намереваясь проверить раны, но замер. Девушка подняла голову. Тёмные волосы сбились в мокрые пряди. Воронов смотрел не на это. Он смотрел в её глаза. Тёмные, с лёгкой примесью зелёного.

Глаза Рена.

— Ты, — хрипло сказал он. — Тебе не должно быть здесь. Тебе сказали, что я мёртв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.